

БЕСЕДА С ДИРЕКТОРОМ
ИНСТИТУТА МЕЖДУНАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ВГУ
ВЛАДИМИРОМ РОДИОНОВЫМ

«МЫ ДЕЛАЕМ ВСЁ, ЧТОБЫ У РОССИИ ПОЯВИЛАСЬ СВОЯ „МЯГКАЯ СИЛА“»

55 лет назад в Воронежский университет приехали первые студенты из-за рубежа, а в 2000 году в ВГУ в целях совершенствования организации обучения иностранных граждан на базе деканата по работе с иностранными учащимися и подготовительного факультета для иностранцев был организован Институт международного образования (ИМО). Тогда же его возглавил один из ведущих российских специалистов по вопросам предвузовского обучения иностранцев, международного образования и сотрудничества Владимир Валентинович РОДИОНОВ, который в этом году отмечает свой 60-летний юбилей. Так что у нас было сразу несколько поводов для встречи.

– Владимир Валентинович, вы же по образованию гуманитарий?

– Да, я историк, выпускник истфака ВГУ 1980 года.

– Тогда первый наш вопрос будет вам близок. Вот смотрите: на сегодняшний день перед Россией стоит огромная гуманитарная проблема, которая постепенно превращается в гуманитарную катастрофу. Речь идёт об «утечке мозгов». Есть разные варианты решения этой проблемы, в том числе и сугубо механический: если откуда-то утекает, то надо сделать всё возможное, чтобы сюда же и прибывало. Можно ли сказать, что Институт международного образования ВГУ, привлекая в Россию перспективных студентов из разных стран мира, по сути, обеспечивает «приток мозгов» в нашу страну?

– Буду аккуратен с этим образом, хотя, не скрою, он довольно комплиментарен. Можно сразу же возгордиться – мол, сижу на этакой трубе, откуда в Россию «текут мозги». В реальности всё прозаичнее и сложнее.

То, чем занимается наш институт, точнее всего можно описать в три действия: мы сеем зёрна разу-

ма, возвращаем их и... продаём. После чего – увы! – совершенно забываем о своих «саженцах». Что с ними произошло дальше? Этого мы практически не знаем. То есть урожай с выращенных нами «саженцев» собираем не мы, а другие.

К этому можно относиться по-разному. Есть романтический взгляд на эту проблему, а есть прагматический. К сожалению, в родном Отечестве, особенно в период 1980–1990-х годов, романтический подход в нашем деле был отброшен. К огромному моему сожалению, поскольку я, сознаюсь вам, вырос вообще-то на идеалах Кубинской революции. И для меня Че Гевара, Камило Сьенфуэгрос, сам Фидель и вся эта кампания пламенных кубинских революционеров – романтические герои детства и юности. С этим я и жил в те годы, с полным основанием полагая, что мы в Советском Союзе реально помогаем борьбе против мирового колониализма, защищаем идеалы национального возрождения...

На практике же это значило, что для какой-нибудь африканской страны, в которой нельзя было вылечить элементарную болезнь, потому что не было врачей, мы стали готовить врачей. Не было школ – готовили учителей, не было промышленно-

Открытие Фестиваля китайского языка, литературы и культуры в ВГУ. 2014 год

сти – готовили инженеров... В этом смысле мы пахали непаханое поле. И ни о каком «притоке мозгов» в Россию тогда речи идти не могло просто потому, что их в тех странах прежде надо было сформировать.

– *Создать интеллектуальный класс...*

– Конечно!.. А потом нам сказали: «Ребята, да вы что?! Мы живём уже в эпоху капитализма, и поэтому цель вашей работы должна быть сугубо прагматическая – деньги и прибыль». И в результате сначала закрыли бюджетное обучение, а потом и наш подфак для иностранцев.

– *Неужели и такое было?!*

– Был приказ ректора Гусева в 1992 году – ликвидировать подфак для иностранцев, поскольку исчез бюджетный контингент. То есть государство просто-напросто прекратило поддержку программы обучения иностранцев в России, и в Воронежском университете это направление закрыли.

Для нас наступил период безвременья. Мы с тогдашним проректором Игорем Николаевичем Зорниковым посидели-подумали и решили, что будем спасаться самостоятельно.

Учредили при поддержке университета Центр международного академического делового сотрудничества «Академический обмен», куда перешёл весь штат преподавателей подфака. А учредителем Центра выступил университет. То есть это было независимое юридическое лицо, созданное университетом. Только в таком виде все мы смогли остаться на работе.

Центр просуществовал пять лет, которые оказались необычайно результативными. Нас же ведь отправляли, как в хоспис, – на медленное умирание, но неожиданный финансовый успех перечеркнул все пессимистические прогнозы. А произошло так потому, что в те годы, как вы помните, была дикая инфляция, разница валютного курса тех финансовых средств, которые мы получали от контрактного

обучения иностранных учащихся, росла в геометрической пропорции. И вот мы от этого выигрывали. До 40 процентов доходов в год наш Центр получал только от роста курсовой разницы. При этом нам можно было ничего не делать: получить сто долларов в сентябре, а уже к зимней сессии эта сумма колоссально возростала. Так в самое тяжёлое время мы спасались сами и спасали университет.

А году в 1996-м государство начало-таки думать о дне завтрашнем. Там, наверху, поняли, что мы утрачиваем очень эффективный ресурс. То, что сейчас называют «мягкой силой». И что (по сравнению с финансовой, военной и технической помощью зарубежным странам) обучение иностранцев для нашего государства – относительно недорогая статья расходов. А вот результаты достигаются здесь порой более значительные, чем при торговле оружием, к примеру. И когда власть это поняла, нас вернули в структуру университета.

– *То есть задачи вновь менялись, и в деле воспитания иностранных студентов в нашей стране опять возобладала идеология?*

– Не только идеология, но и конкуренция. Если вы следите за термином «мягкая сила», то наверняка заметили, что в последние годы он всё больше и больше набирает популярность и укрепляется в сознании нашей правящей элиты. А появилось это понятие как ответ на попытку понять, в чём причина популярности американского стиля жизни. Америка, как мы знаем, самая ненавидимая страна в мире, в которой... мечтает жить подавляющее количество людей. Оказывается, на сознание людей планеты влияют не только бомбы, ракеты и деньги, но и Голливуд, культура, уровень жизни в целом. И если мы хотим конкурировать в сфере этого влияния с американцами, надо, чтобы у России появилась своя «мягкая сила». И мы делаем всё, чтобы это произошло.

Делегация ВГУ на Международной образовательной выставке в Алматы (Казахстан). 2014 год

К примеру, наши иностранные студенты каждый год 9 Мая выступают на Никитинской площади с концертом. Это моя принципиальная позиция, и отнюдь не к этому я, как к экспорту наших интересов.

И вот однажды на этом концерте произошёл такой случай. Парень-африканец должен был петь «Землянку». Он делал это не раз, и всегда с ошеломительным успехом. А тут вдруг безо всякого объявления выходит и начинает петь... «Мурку». И деваться уже некуда: мы не можем его остановить. Он поёт. А народ... Что бы вы думали? Люди начали подпевать, приплясывать, а потом – хлопать... Я высказал, конечно, ему потом всё, что думал об этом его поступке. А он в ответ вдруг признался, что ему показалось, что «Мурка» на День Победы – это хорошая идея... Вот как к этому относиться?

– Печальный лагерный опыт – это часть нашей истории...

– Конечно, это несколько маргинально, но с другой стороны – а что может быть органичнее? Этот парень сумел почувствовать что-то русское, пережитое, скрытое порой от посторонних, о чём мы вспоминаем дома, на кухне. И у меня мелькнула мысль: всё, он – русский. Он принял в себя нашу культуру в её различных проявлениях и сделал её своей. И теперь он уедет на далекую родину, и там до конца своих дней будет русским... Вот это и есть «мягкая сила». На иностранцев, обучающихся у нас, надо смотреть, как на потенциальный инструмент для проникновения нашей культуры во внешний мир.

Меня, правда, тревожит трансформация, которая может произойти с этим замечательным понятием – «мягкая сила». В начале этого года на конференции в Академии военных наук выступил начальник нашего Генштаба генерал Герасимов, который назвал «мягкую силу» одним из методов гибридной войны... Меня это очень напрягло. Если генералы

припишут «мягкую силу» к военному ведомству, то нам, людям гуманитарных профессий, нечем будет руководствоваться в своих сугубо мирных воспитательных делах.

– Хотелось бы уточнить одну мысль. Люди приезжают из разных стран сюда, в Воронеж, в университет. Здесь, в стенах Института международного образования, они проходят не только обучение русскому языку, но и приобщаются к русской культуре, погружаются в неё. Получается, что вы как бы невольно – через язык, через самое элементарное соприкосновение с русской культурой – закладываете определённые коды в этих людях?

– Я с вами согласен абсолютно, кроме одного-единственного слова – «невольно». Мы это делаем абсолютно сознательно. И это трансформировалось из советского концепта, где через русский язык происходило знакомство с жизнью в СССР, программой строительства коммунизма. Сейчас этого нет. Сегодня мы никого не «оболваниваем». Мы просто едем вместе в детский дом (а у нас несколько таких домов под опекой) и начинаем общаться с этими несчастными детьми. Если бы вы видели, что происходит дальше! Они начинают обниматься, целоваться... Плачут. Понимаете?! И русский язык становится здесь для иностранных ребят важным инструментом раскрытия глубоких человеческих чувств. Что может быть надёжнее и лучше?

Оказывается, не всё так просто. Очень долгие годы в университете у меня и моих коллег, обучающихся иностранцев, возникало чувство пребывания в некоей осаде. Руководство ВГУ говорило так: «Зарабатывайте деньги, а в остальном – пока не до вас, у нас тут страна погибает».

И понадобилось два десятилетия, чтобы в ВГУ появился ректор, который умеет быстро схватыва-

Болеем за студентов на творческом конкурсе. 2016 год

вать суть процессов, понимать рыночную и человеческую цену многих вещей. И вот однажды после проведённых нами нескольких ярких мероприятий он начинает заседание Учёного совета с фразы: «Я, к своей радости, на днях обнаружил мощный ресурс развития университета». Народ замер – что за ресурс такой? А ректор паузу выдержал и говорит: «Направление это – русский язык как иностранный». Так Ендовицкий стал первым на моей памяти ректором «нового времени», который пришёл к пониманию, что развивать и поддерживать подобное направление для университета выгодно.

– *Потому что ваш студент может и «Мурку» выучить, и даже полюбить её, но при этом он неминуемо попадает в среду, где с ним говорят на русском языке и где говорят о Толстом, о Чехове, где говорят о ценностях, которые способны стать фундаментом для перспективного развития личности...*

– Даже не спорю. Это у вас такое концептуальное, теоретически правильное высказывание, а я опущусь на низший уровень, чтобы свидетельствовать: в России даже «Мурка» работает на нас...

– *Про низший уровень. Несколько лет назад перед Воронежем встал огромный вызов: наш город стали называть «фашистским». Мы говорим о скинхедах, которые заполнили Воронеж в нача-*

ле нулевых и стали буквально охотиться на иностранных студентов. Сегодня эта проблема ушла в прошлое. Не в последнюю очередь благодаря усилиям ваших сотрудников. Как удалось это сделать?

– Ну и тему вы вспомнили! Я стараюсь забыть о ней, а вы... В общем так: все мы жили в ту пору и помним, что творилось. Но одно дело наблюдать со стороны, и совсем другое – вариться в гуще событий. Мы же здесь с этими студентами-иностранцами каждый день общались... Знаете, в какой-то момент у меня появилось даже желание всё бросить и уйти. Несмотря на двадцать лет работы в этой структуре. Просто потому, что я не видел ни малейшего способа переменить что-либо. Это как, знаете, в больнице, когда у обречённого температура день ото дня становится всё выше и выше. Сегодня избили мальчишек мелких вьетнамских, а завтра девчонок избили... Сегодня наши студенты пошли на горку в парк «Динамо» – выходной день, погода прекрасная, солнышко светит... А на них там – массовое нападение. Я на даче. Звонит телефон: «Володя, нас убивают, но мы бьёмся!..» Ощущение беспомощности, понимаете? Милиция бормочет что-то невнятное... Я и сам много раз выходил из кабинета вечером, брал палку, и мы с коллегами-мужиками бежали кого-то из наших студентов отбивать.

Дело осложнялось ещё тем, что неподалёку, на улице Хользунова, был центрторговский магазин. И там в те годы стояли игровые автоматы, на которых резалась местная молодёжь. А когда у них кончались деньги, они выходили на улицу и нападали на иностранцев, отбирали деньги у них и снова шли к автоматам.

И пока не произошли эти жуткие убийства, пока не грянул праведный студенческий бунт, никто ничего в городе не хотел менять.

Сразу после убийства первое же совещание прошло на самом высоком в области уровне – у Кулакова, тогдашнего губернатора. Пригласили нашего ректора (это был И.И. Борисов). Начали думать – что делать? Из Москвы в Воронеж уже выехала объединённая следственная группа во главе с заместителем Генпрокурора...

– *Это было, когда убили перуанца из строительного университета?*

– Нет, то был уже второй случай. А первое убийство иностранца произошло в феврале 2004 года, когда был убит студент медицинской академии из Гвинеи-Бисау... Так вот, объявлено совещание у губернатора. Борисов говорит: «Я один туда не поеду – что я там скажу?» И берёт с собой меня. А там говорить умеют, на областном-то уровне. Начали: «социальные условия», «личность воспитателя»,

то, сё... И вывод – «виноваты учебные заведения, которые плохо работают со студентами». Начались обсуждения. Мне тоже предложили выступить. А я к этому моменту уже закипал, поэтому сразу же кинулся в атаку. Говорю: мы что же, должны запереть наших студентов, как в консервной банке? Этим проблему не решить! Давайте называть вещи своими именами: мы имеем дело не с мелким хулиганством. В городе сформировалась критическая масса и появились кукловоды, которые умело используют ситуацию. Помните, были такие, в чёрных сапогах ходили? Им было всё равно, кого объявить врагом, главное, чтобы этот враг был «другим». Вот «других» и отлавливали... Говорил обо всём этом я в резкой манере. Борисов сидел сам не свой. А губернатор, по мере того как я распаялся, всё больше и больше поворачивался ко мне и, в конце концов, стал внимательно слушать. А потом сказал: «Надо что-то делать». И тут же создали комиссию по противодействию экстремизму в молодёжной среде под председательством вице-губернатора Ю.А. Савинкова, а меня назначили её ответственным секретарём.

А надо сказать, что к этому времени и Москва, и Петербург были уже заражены ксенофобией. Причём убийства и травмы, которые сопровождали межнациональные конфликты там, ни в какое сравнение с воронежскими случаями не шли – ни по количеству, ни по объёму. Но все столичные факты почему-то замалчивали. А вот когда это зло достигло Воронежа, ситуацию тут же подняли на федеральный уровень: приближались выборы в Госдуму.

И лёд тронулся.

Объединённая следственная группа в течение нескольких дней нашла убийц, и против них возбудили дело по мотивам расовой ненависти и вражды. Это было впервые. Ни один судебный процесс в Москве и Петербурге не прошёл по этой статье – там всё подводилось под «хулиганское нападение». В Воронеже впервые зло было названо своим именем.

Примечательно, что судьёй на этом процессе был Николай Петрович Николаенко. Этот человек мне знаком ещё со студенческих лет. Он закончил юридический факультет ВГУ. Формировался как личность в интернациональной многоязычной студенческой семье, жил в студенческом общежитии. Прошло тридцать с лишним лет, Николай Петрович поработал судьёй в районе, а затем перешёл в областную суд. Это дело досталось ему.

Приговор суда был вынесен по высшей планке справедливости, когда закон и мораль неразрывно связаны друг с другом.

Убийца получил 17 лет заключения в колонии строгого режима. Впервые в Российской Федерации за такое преступление. Резонанс был огромный.

Открытие ежегодного городского международного Фестиваля песни и танца народов мира «Возьмёмся за руки, друзья». Слева на снимке И.П. Чухнов, руководитель управления культуры администрации г. Воронежа

Это была одна мера – силовая.

А вот другая. Мы с коллегами и студентами-иностранцами за год провели более 400 уроков дружбы. Выезжали в школы и встречались с учениками – прямо с начальных классов и до самых выпускных. Наши студенты пели, плясали, рассказывали о своих странах, дарили сувениры. Приносили с собой карандаши, краски – сидели, рисовали вместе со школьниками. Это тоже сыграло свою роль.

И наконец, ещё один момент. Те ребята, которые отбирали деньги для игры в автоматы, они же никуда не делись. Дошли и до них.

Коминтерновский райотдел внутренних дел организовал специальный рейд. Пришли три женщины-сотрудницы из отдела по делам несовершеннолетних. Пригласили в рейд и меня. Собрались у злополучного магазина. Стоим.

Через несколько минут оттуда выбегает шкет лет двенадцати. Одна из этих милицейских дам хватя его за куртку: «Ты кто такой?». Он в ответ: «А вы кто такая?» – «Это я тебе потом объясню. Ты где живёшь?» – «Здесь» – «Родители дома?» – «Да» – «Идём к ним» – «А зачем, я ничего не сделал, это Петька сделал...» А она уже тащит его в подъезд.

Среди коллег по ИМО.
Перед открытием II Фестиваля
русской речи иностранных студентов
вузов России

Ждём дальше. Через час она возвращается и рассказывает: такой-то живёт вон там, такой-то – там, такой-то – там... После этого все они разошлись по конкретным адресам.

Мы можем спорить об этих методах – правильно они сделали или нет – но они оказались профессионалами: им дали команду навести порядок, они пришли и навели. И после этого отбирать деньги у наших студентов перестали.

Теперь, спустя годы (а прошло уже больше десяти лет), я иногда думаю: как же это нам тогда удалось остановить зло? А всё просто – произошло объединение сразу нескольких факторов – адекватные силовые методы, грамотные политическая и правовая оценки плюс чёткая согласованность действий общественных институтов и вузов города.

– Честно говоря, тогда в какой-то момент появилось ощущение, что ту проблему решить в обозримом будущем невозможно. Вам же удалось сделать это довольно быстро. А вообще межнациональные конфликты в нашем университете часто возникают?

– На моей памяти (а я почти всю жизнь работаю с иностранцами) такое было дважды. Первый раз это случилось, когда я ещё заканчивал аспирантуру. 1987 год, ночь под 1 мая. Телефонный звонок. Вскрываю с постели. Звонит проректор Зорников: «Володя, приезжай немедленно к 4-му общежитию, у нас ЧП».

Быстро добираюсь до улицы Ф. Энгельса, где это общежитие расположено. Темно, на пяточке перед входом скопище людей, какие-то приглушённые крики и шум. Прорываюсь сквозь толпу, узнаю, в чём дело. Оказывается, анголец пошёл говорить по телефону. Сотовой связи тогда не было, поэтому на улицах были развешаны телефонные автоматы.

Один такой висел на стене 3-го общежития, вот к нему-то и пошёл этот парень. Набрал номер, стоит, разговаривает.

Мимо идёт группа людей, из которой неожиданно выскакивает какой-то тип и бьёт ножом в спину говорящего по телефону африканца. Тот с этим ножом в спине мчится во двор 4-го общежития и начинает громко голосить: «Убили!..» Мгновенно собирается толпа африканцев, внутри которой тут же появляется шёпот: «Русские нашего убили...»

Потом уже выяснилось, что тот роковой удар был нанесён странным образом: нож вошёл чётко под мышку, порвана была одежда, но крови практически не было. Да и нож почему-то зажимался старательно под мышкой, чтоб торчала рукоятка из спины... Это была чистой воды провокация, рассчитанная на массовый протест накануне 1 Мая.

А когда я там появился, собралось уже человек триста. Милиция оцепила весь квартал, что по тем временам выглядело жутко.

Я поднялся на ступеньки и только начал что-то говорить, как вдруг сверху – ба-бах! И сразу крики. Оказывается, с верхних этажей кто-то сбросил раскалённую сковородку с маслом в толпу. Потом выяснили, кто это сделал – всё это было продолжением всё той же провокации...

А толпа уже вопит: «Это всё русские, они мстят за то, что мы мешаем им спать...» И наступает совершенно жуткая ситуация. Африканцы становятся в круг, берутся за руки и начинают ритмично прыгать и скандировать: «Чёр-ные – чёр-ные...» Кошмарное ощущение: темнота, накалённая атмосфера и эти выкрики...

Приезжает начальник УВД области. Тогда это был генерал Солохненко. Отодвигает меня и начинает: «Товарищи, вы должны немедленно...» А они –

Делегация ВГУ на совместной с партнерским Университетом г. Монастир (Тунис) международной научной конференции по проблемам развития образования. Тунис, 2007 год

никаких эмоций: «Чёр-ные – чёр-ные...» Генерал ушёл. Выходит вперед Иван Михайлович Шабанов, в ту пору – первый заместитель председателя облисполкома: «Так, ну-ка, дайте я выступлю...» Начинает говорить – никакой реакции. «Чёр-ные – чёр-ные...»

Больше выступать было некому. Остались только мы с Зорниковым. Вот мы всю оставшуюся ночь и всё утро разбирались в произошедшем и только к двум часам дня напряжение удалось снять. А позже КГБ нашёл двух африканцев, которые были зачинщиками конфликта...

А второй случай произошёл уже в 2004 году, когда в Воронеже убили того самого студента-медика из Гвинеи-Бисау. Проходит после этого пару дней, и мне звонит Есауленко, ректор медакадемии: «Приезжай к нам, тут твои бузят...» «Мои» – это в смысле иностранцы. Быстро поехал туда, там уже всюду милиция. Захожу в актовЫй зал медакадемии – батюшки! – там чуть на лампочках не висят. Народу, как на картине Владимира Серова «Выступление В.И. Ленина на II съезде Советов!» И при этом опять же все почему-то кричат.

Не знаю, почему так произошло, – врать не буду – но только я вошёл в зал, кто-то тут же крикнул: «Пусть Родионов говорит!..» Вот почему-то они ко мне всегда хорошо относились. Наверное, потому, что я для них очень злой. Честно! Ко мне в кабинет студенты заходят, только если чего-нибудь натворили. У них даже примета такая есть: самый лучший студент – тот, кто не был в кабинете у Родионова ни разу. Потому что отличников мы награждаем на сцене, а с хулиганами разбираемся здесь. И в этих ситуациях мне иногда приходится использовать какие-то специфические национальные приёмы: хмурить брови, демонстрировать нежелание идти на компромисс. Да много чего...

– *Сегодня конфликтов стало меньше?*

– Вы знаете, ситуация изменилась радикальным образом. На удивление! Советские времена отличались высокой политизированностью внутри студенческих групп. Что порождало, между прочим, мелкие бытовые столкновения. Сейчас этого нет. Нынешняя студенческая среда в значительной степени деидеологизирована. Все острые национальные противоречия скрываются внутри, поэтому никак не проявляются. Жизнь на планете изменилась, глобализация и массовая культура постепенно стирают многие бывшие идеологические противоречия... Вот пример из личного опыта.

Возвращаются как-то наши студенты из детского дома, выступали там с концертом. По дороге в автобусе что-то напевают. Прислушиваюсь: поют на русском языке, но совершенно незнакомую мне песню. Спрашиваю: «Что это?» Они делают удивлённые глаза. «Как!.. Неужели Вы не знаете?.. Это же Ньюша!» Оказывается, они обожают российскую певицу по имени Ньюша, о существовании которой я даже не догадывался...

– *Владимир Валентинович, в советские времена выпускников подфака ВГУ распределяли по вузам всего Союза. Что происходит сейчас?*

– Пока подобное положение сохраняется. Потому что обучение иностранцев в Воронежском университете всегда расценивалось как обучение в федеральном подготовительном центре. И в советские, и в российские времена. А вот будет ли так продолжаться дальше – не знаю.

То, что сейчас происходит с реорганизацией системы довузовской подготовки и распределения иностранных студентов в рамках бюджетной квоты, вызывает у меня протест. Я являюсь членом рабочей группы Министерства образования и науки по

На торжественном приеме в Кремле по случаю Дня народного единства. Слева – главный редактор журнала «Мир русского слова», профессор СПбГУ К.А. Рогова. 2008 год

формированию нормативной базы для обучения иностранных студентов в высшей школе. Но должен сказать, что в составе этой рабочей группы есть, пожалуй, представители лишь трех-четырех вузов, где имеется многолетний опыт работы по этому направлению. Остальные (нас там 29 человек) – это представители вузов, только приступивших к этой работе, рекомендованные чиновниками. А возглавляет группу коллега, который ранее с иностранными студентами не работал.

Фактически задача поставлена таким образом: забыть всё, что было до этого времени, и начать с чистого листа. Такой подход, как сказали шёпотом, обусловлен начавшейся борьбой с коррупцией – хотя в работе государственных вузов с иностранцами традиционно коррупции не водилось. И не только потому, что к нам особое внимание спецслужб... Ещё не угасло ощущение высокой гуманитарной и государственной миссии. Коллеги-ветераны до сих пор вспоминают, когда в 1980-е годы иностранный студент подарил одной из преподавательниц на 8 Марта хрустальную вазу – уволили эту женщину в тот же день!..

Так вот, сегодня власти исходят из того, что систему обучения иностранцев в России нужно полностью реорганизовать. Что это значит для нас?

На федеральном уровне введена компьютерная система приёма и распределения иностранных студентов. Функции по их набору поделены между двумя министерствами – Министерством образования и науки и Министерством иностранных дел. За рубежом абитуриентов теперь набирает структура

МИДа – Федеральное агентство по сотрудничеству с зарубежными странами. И здесь возникает первый конфликтный момент – как отбирать? В МИДе речь ведут о наборе, а в Минобрнауки – об отборе. То есть в первом случае мы говорим о количественных показателях, а во втором – о качественных.

Каждый кандидат на обучение в нашей стране должен у себя на родине прийти в Российский центр науки и культуры, сесть за компьютер и выбрать из списка шесть российских вузов. Причём не более двух в каждом федеральном округе. Знает ли он что-нибудь о них в этот момент? Едва ли, в лучшем случае, он что-то слышал от родственника или знакомого, если тот учился в России. Но худо-бедно он всё-таки сделал выбор. И после этого из Россотрудничества досё на кандидата поступает в Министерство образования и науки РФ. Его выбор должны одобрить. Вот если кандидат назвал Воронежский госуниверситет в списке первым, а потом уже другие российские вузы, то ВГУ получает приоритет, и мы ставим себе галочку с согласием или несогласием на его приём...

Кроме того, с прошлого года не учитывается готовность российского учебного заведения к эффективному обучению иностранного студента. Ссылаются при этом на прокуратуру, которая якобы опротестовала решение о распределении иностранцев по ограниченному числу базовых вузов. Отныне все вузы должны конкурировать...

А на практике это выглядит так: я звоню в министерство и спрашиваю: «Простите, коллеги, а как получилось, что вот этот студент (в базе номер такой-то) оказался не у нас в Воронеже, а в Курске?» На что мне отвечают: «Знаете, он потом будет обучаться в Смоленске, а от Курска до Смоленска на 190 км ближе... У нас теперь в компьютере заложена оптимизация, чтобы экономить на проезде».

«Друзья мои, – продолжаю я разговор, – а если у вас завтра откроется Центр довузовской подготовки в городе, который на пять километров ближе к Смоленску, чем Воронеж, вы туда студента отправите?!.. Вы же знаете, что в Курске никогда не было подфака для иностранцев, там нет ни опыта для такой работы, ни базы». «Ну и что? – отвечают мне. – Зато оттуда до Смоленска на 190 км ближе»...

Словом, сегодня мы в ИМО ВГУ пока ещё вузов 15–20 обеспечиваем студентами-иностранцами, но тенденция такая, что в перспективе будем работать только на себя. С одной стороны – разумно, но с другой... Довузовская подготовка иностранцев – настолько специфическая материя, что многие вузы, которые в погоне за рейтингами стремятся организовать её у себя, просто не понимают, куда они ввя-

зываются. Это же совсем другой характер образовательной деятельности.

– **Как куда?! Ведь это же валюта! За иностранных студентов платят же валютой?**

– Нет! Дело в том, что бюджетные студенты обучаются за счёт средств Российской Федерации. Зарубежные государства нам не платят.

Видите ли, «мягкая сила», о которой мы говорили с вами в самом начале встречи, – это несколько иное, чем за иностранные деньги дать иностранцам знания. Нет, в этом деле мы берём на себя все финансовые затраты, но в результате получаем нечто большее. Также, между прочим, действуют и все наши основные конкуренты – и американцы, и англичане.

– **А скажите, во что сегодня обходится бюджету обучение одного иностранного студента?**

– От 75 до 110 тысяч рублей в год на одного человека. Округлим: сто тысяч в среднем. И теперь считайте. Обучение одного иностранного бакалавра – это максимум 500 тысяч рублей. За эту сумму мы получаем одного условного «агента влияния» на длительный срок. А теперь скажите: что такое можно в России продать в другие страны за 500 тысяч рублей, чтобы оно работало там 30–40 лет?

– **За время нашего разговора вы практически ничего не сказали о студентах из Европы. Насколько интересен сегодня ВГУ для молодёжи из стран континента?**

– В советское время на подфаке ВГУ Западная Европа была представлена студентами из Португалии, Греции... Страны Восточной Европы широко направляли к нам свою молодёжь: были ребята из ГДР, Венгрии, Польши, Болгарии, Югославии. Они учились и по полной форме и в ходе краткосрочных и продолжительных стажировок.

– **Были и французы, и англичане, и скандинавы...**

– Все они были стажёрами. А это совершенно другая система, которую сейчас мы именуем «включённое обучение» или «академическая мобильность». Между прочим, во времена СССР Воронежский университет считался лидером по подготовке западных стажёров: они ехали к нам из всей Европы – от Скандинавии до Италии. А потом, на рубеже 1980–1990-х годов ВГУ стал специализироваться на англичанах. Но эта программа была недолгой.

А на подфаке университета из западных европейцев учились студенты из Португалии, Греции. Было несколько албанцев – и, по-моему, всё.

Ещё было много немцев из ГДР. Но они приезжали к нам по особой форме. На базе Универси-

Выступление с лекцией перед кадетами Военной Академии США Вест-Пойнт, США. 2008 год

тета имени Мартина Лютера в Галле работал подготовительный рабоче-крестьянский факультет, где в числе прочих были и преподаватели из ВГУ. И студенты-немцы проходили на этом факультете подготовку, а потом приезжали на обучение в ВГУ и другие вузы СССР. Кроме того, многочисленные группы студентов из ГДР прошли годичные стажировки на филологическом факультете. Многие ещё помнят, как они в зелёных куртках ходили строем по проспекту Революции...

Сейчас же студенты из Европы в ВГУ – это отдельная тема. За последние пятнадцать лет произошло много изменений. Болонский процесс привёл к созданию единого европейского пространства высшего образования. Вузы стран, подписавших это соглашение, теперь должны обеспечить своим студентам возможность в течение бакалаврской программы обучения не менее одного семестра провести в зарубежном университете – с учебной целью. И, соответственно, под эту задачу начинают интенсивно выстраиваться горизонтальные связи между различными университетами Европы. На мой взгляд, это здорово. Это такая дверь в совершенно иное время, в иную эпоху...

Очень хочется, чтобы академическая мобильность и процессы интеграции образовательных систем способствовали росту взаимопонимания между студенческой молодёжью разных стран мира – будущей элитой наших государств. А «мягкая сила» России всегда оставалась бы выражением её доброжелательности, открытости и надёжности.

Беседовали Тамара и Дмитрий Дьяковы